

Къ трехсотлѣтію царствованія Дома Романовыхъ.

Въ лѣто 7121 паки сынове Русстїи приѣмлють входъ отечества древняго градъ Москву, паки наста весна благодатнаго бытія и простирается струа свѣтлотекущаго житія, еже нами чаемаго упованія великаго Бога свѣтъ возсія, и Того благоволеніемъ отъ конецъ ея народы православїа малїи и велицыи, богатїи и нищїи, старыя же и юныя богато разумнїемъ отъ Иже всѣмъ дающаго жизнь обогатившеся и свѣтомъ добромыслимаго совѣта купно озарившеся. Аще бо убо и разнородными мѣстъ людми, но едиными рекоша усты, и въ дальномъ несогласїи житїа разстоятельствѣ бысть аки согласенъ совѣтъ во единоравенствѣ. Изволиша бо смысломъ, избраша же словомъ и учиниша дѣломъ, еже добръ совѣтъ сотвориша. Бѣ бо убо не чловѣческимъ составленїемъ, но Божїимъ строенїемъ, Его же молиша и просиша государя себѣ на престоль царствїа Московскаго государства царя Михаила Феодоровича, иже бысть по сродству племянникъ царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Русїи по матери его, царице и великой княгини Анастасїи Романовнѣ, яже бысть супруга царя Иванна Васильевича¹⁾.

Такими словами повѣствуетъ одинъ изъ наиболѣе раннихъ современныхъ памятниковъ, Хронографъ 1617 г., о событїи, совершившемся въ Москвѣ въ 1613 году, о вступленїи на престоль

¹⁾ Русск. Истор. Библ., т. XIII, 2-е изд.

Русскаго царства новой, нынѣ благополучно царствующей, династіи Романовыхъ, на смѣну угаснувшей династіи Московскихъ Рюриковичей.

21-го февраля, въ воскресенье первой недѣли Великаго поста, въ недѣлю православія, состоялось послѣднее засѣданіе Земскаго собора, созваннаго ноябрьскими грамотами властей Нижегородскаго ополченія, для „царскаго обиранья“. Земское ополченіе 1612 г., совершивъ великій національный подвигъ, очистивъ Москву отъ иноземнаго засилья, завершило свою задачу призывомъ къ скорѣйшему возстановленію государственнаго порядка. „Какъ безъ Государя намъ о великихъ и государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государями ссылатся, какъ государству нашему впредь стоять крѣпко и неподвижно, какъ противъ общихъ враговъ безъ Государя быть?“ На выраженію въ этихъ словахъ мысль, въ чемъ основаніе и крѣпость государства, отвѣтомъ было рѣшеніе Земскаго собора 21-го февраля 1613: „на всѣ государства Россійскаго Царствія обрали его Государя Михаила Ѳедоровича Романова“.

14 марта въ Кострому, на берега великой русской рѣки, прибыло отъ Земскаго собора посольство къ новоизбранному царю для умоленія его принять престоль, и послѣ долгихъ колебаній со стороны юнаго Михаила Ѳедоровича, послѣ упорнаго моленія пословъ—послѣдовало, наконецъ, согласіе Царя на прошеніе Земли.

Государь Царь всея Руси Михаилъ Ѳедоровичъ выѣхалъ изъ Костромы и 2-го мая прибылъ въ Москву, гдѣ первымъ долгомъ помолился у Кремлевскихъ святынь и поклонился гробамъ „своихъ прародителей“, тѣхъ великихъ государей, дѣло которыхъ собирался продолжать.

11-го іюля совершилось таинство миропомазанія на царство надъ первымъ царемъ новой династіи. Торжество царскаго вѣнчанія происходило, какъ всегда, въ Успенскомъ соборѣ, въ томъ храмѣ, который сто лѣтъ передъ тѣмъ иннокъ Филофей провозгласилъ церковью, воспріявшей значеніе поруганной турками Св. Софіи Цареградской.

Такъ совершилось триста лѣтъ назадъ вступленіе на Россійскій престоль династіи Романовыхъ, которой, по выраженію митрополита, вѣнчавшаго Михаила Ѳедоровича, предстояло хранить вѣру православную, блюсти царство Россійское и судить людей въ правду.

Прежде всего спросимъ, какое же историческое наслѣдіе получила новая династія? и что представляла собою Русская земля въ 1613 году? Съ перваго взгляда бросятся, конечно, въ глаза по-

Царь Михаилъ Теодоровичъ.

слѣдствія ближайшей, только-что пережитой эпохи Разрухи. „Московского государства всякихъ чиновъ люди измалодушествовались, прежнимъ государямъ, давъ свои души, не прямо служили... Московское государство разорилось, чѣмъ служилыхъ людей жаловати и свои государевы обиходы полнити“, такъ характеризовала состояніе Руси инокиня Марѳа и вѣрность характеристики не отрицали ни чины посольства, ни земскій соборъ, который, за отсутствіемъ людей и денегъ, затруднялся приготовить царскіе хоромы къ пріѣзду царя. Памятники того времени заключаютъ въ себѣ яркія картины переживаемыхъ бѣдствій. „Не бысть ни града, ни веси, ни села, ни поля, ни лѣса, ни дебри, ни пропасти, ни пещеры, еже бы безъ мученія гдѣ христіаномъ укрытися можно было... по разореніи Царствующаго града и многихъ градовъ всѣми путями быша бѣглецы къ дому Живоначальныя Троицы, и не бѣ числа слезъ кровныхъ“¹⁾, такъ пишетъ въ житіи преп. Діонисія писатель Иванъ Насѣдка и отсылаетъ къ пространной исторіи о разореніи Московскомъ, т. е. къ сказанію Авраамія Палицына. И сказаніе келаря и другія еще болѣе замѣчательныя произведенія того времени даютъ достаточно матеріала для исторической картины. Еще сильнѣе изображеніе равнодушнаго зрителя, голландскаго посла Массы: „Москва теперь уже не та, что была до разоренія. Я не знаю государства, которое было бы въ большей опасности... поляки, шведы, крымскіе татары со стороны Астрахани, но всего болѣе туземная, необузданная, дикая и вооруженная толпа, называемая казаками, дѣлаютъ безпрестанные набѣги, все жгутъ, грабятъ, рѣжутъ“. Опасность отъ натиска шведовъ съ сѣвера и поляковъ съ запада общеизвѣстна. Дѣйствія воровскихъ шаекъ, преслѣдующихъ не однѣ разбойничьи выгоды, но и интересы анархическіе со стороны казаковъ Заруцкаго и политическіе со стороны польско-литовскихъ людей, захватывали даже далекій сѣверъ (Донесеніе Каргопольскаго воеводы Ивана Дашкова). Иноземные государи, не заинтересованные въ смутѣ въ такой степени, какъ Швеція и Польша, тѣмъ не менѣе выжидательно относились къ событіямъ и не скоро согласились на признаніе Михайла Ѳедоровича Царемъ всея Руси. А въ далекой Франціи придворный историографъ²⁾ неувѣренно, съ вопросительнымъ знакомъ, заносилъ имя „Michel Fedorowitz“ на страницы своей генеалогіи московскихъ государей, прерванной именемъ Ѳедора Іоанновича и Бориса Году-

¹⁾ Канонъ преп. отцу нашему Діонисію... съ присовокупленіемъ житія его. М. 1824.

²⁾ „С. Ѳ. Платонову ученики, друзья и почитатели“. СПб. 1911, стр. 81.

нова. Наконецъ, послѣдствія смутнаго времени сказались и глубже и всестороннѣе въ жизни русскаго народа, не въ одномъ только что слегка очерченномъ положеніи государства, но мы не останавливаемся на этомъ вопросѣ.

Итакъ, положеніе было тяжелое, но не даромъ изслѣдователи подѣ всѣми этими явленіями ясно различаютъ нѣчто знаменательное. Смута была сломлена къ 1613 году, кризисъ миновалъ и корабль „русскаго царствія“ медленно выплывалъ на свое прежнее историческое русло. Народъ выдержалъ испытаніе; интересы политическіе, интересы отдѣльныхъ слоевъ и группъ уступили мѣсто національно-религіознымъ и государственнымъ. Народная масса научилась организоваться для общей работы. Общественная среда выдвинула рядъ выдающихся личностей. И сильные не только умомъ, волею, но и чистотою нравственнаго облика, подобно патр. Гермогену, преп. Діонисію, безсмертнымъ вождямъ Нижегородскаго ополченія, кн. Скопину, и мятущіеся умы, подобно Лянунову, Хворостянину, и слабовольные эгоисты, подобно кн. Трубецкому—всѣ пытались и въ большей или меньшей степени работали во имя народнаго спасенія. Сознавалась всѣми необходимость самопожертвованія, необходимость на первое мѣсто выдвигать государственное и народное дѣло. Это сказалося и позднѣе въ рѣшеніи Земскаго собора 1648 г. по поводу Азова, въ рѣшеніи, которое получило такую оцѣнку современнаго изслѣдователя: „голосованіе можетъ сдѣлать честь патриотизму любого собранія представителей... значительное большинство членовъ собора высказалось въ духѣ истинныхъ нуждъ Россіи (за принятіе Азова и за возможную войну съ Турціей) и въ этомъ смыслѣ навсегда рѣшило Азовскій вопросъ“¹⁾.— Не неумѣстно будетъ поэтому привести здѣсь слова нашего великаго поэта: „такъ въ искушеньяхъ долгой кары, перетерпѣвъ судьбы удары, окрѣпла Русь“.

Мы поставили вопросъ, какое историческое наслѣдіе получила новая династія, но отвѣтъ дали неполный. Историческое наслѣдіе въ прошломъ народа сложилось не только подѣ вліяніемъ того, что было пережито въ эпоху Смуты, не только подѣ вліяніемъ тѣхъ жизненныхъ условій, которыя послужили причиною для этой самой Смуты, но еще болѣе подѣ вліяніемъ цѣлаго ряда историческихъ явленій и теоретическихъ построеній, которыя явились результатомъ дѣятельности великихъ государей XV и XVI в.в. и результатомъ переживаній русскихъ людей тѣхъ предыдущихъ поколѣній.

¹⁾ Сергѣевичъ, Лекціи по исторіи р. права. 1890 г., стр. 297.

За время объединительнаго государственнаго процесса, за время упорной борьбы за независимое существованіе государства выработалось національное самосознаніе и сильный внутренней дисциплиной государственный порядокъ. Въ этой суровой школѣ окрѣпла великорусская народность и развила ту выносливость, которую заложила въ ней сама сѣверо-восточная природа. Русскимъ общественнымъ дѣятелямъ звучали завѣтомъ слова Іоанна III, что передъ государственнымъ интересомъ должны смолкнуть всѣ личные интересы самолюбія: „ты говоришь: тебѣ не пригоже стеречь князя Данила? *Меня и мое дѣло!*“ (слова боярину Юрію Захарьевичу). И привычка служить государямъ „не по вашему“, какъ выразился одинъ бояринъ Герберштейну, дѣлалась традиціей службы. вмѣстѣ съ тѣмъ предприимчивый духъ русскаго народа, перенося тяготы, налагаемыя правительствомъ и вызываемыя потребностями внѣшняго роста государства, стремился облегчить свое соціальное и экономическое положеніе между прочимъ поисками „землицы“. Эти стремленія къ землѣ и вольному труду намѣчали незамѣтнымъ, но широкимъ размахомъ пути колонизаціи на сѣверъ, востокъ и югъ.—Мысль же и чувства русскихъ людей XV и XVI в. уносились еще дальше, дальше, чѣмъ шли мечъ и соха. Создалась знаменитая формула Москвы III-го Рима, выработались взгляды на міровое значеніе Московскаго Государя, какъ защитника и представителя православія. И то, что писали на эту тему книжники, вошло въ сознаніе народныхъ массъ и было, наконецъ, официально воспринято правительствомъ.

Таково было сложное историческое наслѣдіе, полученное вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ новой династіей; таково состояніе земли при вступленіи Михаила Ѳедоровича Романова на Россійскій престолъ.

Въ прошлой исторической жизни, въ крѣпости народнаго духа, въ твердой вѣрѣ, что „Новый Израиль“ погибнуть не можетъ, въ готовности къ труду и къ самопожертвованію былъ уже залогъ къ возможной плодотворной работѣ государственнаго строительства въ будущемъ.

Въ домѣ Романовыхъ, со своей стороны, русскіе люди получили династію, которая и по нравственному облику и по горячей вѣрѣ въ великія судьбы родной земли и по неуставной работѣ для ея блага и славы отвѣчала нуждамъ и чаяніямъ народа.—Родъ бояръ Романовыхъ-Захарьиныхъ-Кошкиныхъ, изъ которыхъ происходилъ родоначальникъ нынѣ царствующей династіи, долго и много трудился на службѣ Московскому государству. Народную любовь и популярность создали этому роду не столько почетное положеніе на верху іерархической лѣстницы Московскаго боярства, не столько

колоссальныя богатства и обиліе вотчинъ во всѣхъ углахъ русской земли, сколько нравственный и умственный обликъ бояръ Романовыхъ-Захарьиныхъ въ XIV, XV и XVI вв., дѣятельная и плодотворная работа на всѣхъ служебныхъ поприщахъ. Будучи вблизи московскихъ государей, начиная съ Іоанна Калиты, пользуясь вліяніемъ на дѣла, участвуя и въ думѣ и на войнѣ, въ посольствахъ и въ управленіи областями, Захарьины были изъ числа тѣхъ, кого умирающій герой Куликова поля назвалъ: „вы не нарекостесь бояре, но князи земли моей“. На протяженіи трехъ вѣковъ бояре Романовы работали надъ созданіемъ и усиленіемъ московскаго княжества, проявили умѣнье отстаивать русскіе интересы, какъ то видимъ у братьевъ Якова и Юрія Захарьевичей въ княженіе Іоанна III и Василя III во время дипломатической и военной борьбы съ Литвою. Таковы побѣды перваго подъ Брянскомъ и Путивлемъ, втораго— подъ Дорогобужемъ. Таково участіе, напр., Юрія Захаревича въ переговорахъ Литовскаго князя съ Іоанномъ III по поводу сватовства къ дочери его Еленѣ Іоанновнѣ въ 1492 г. Проявили они умѣнье заслужить любовь народную, будучи то намѣстниками Новгорода (Яковъ Захаревичъ) въ моментъ его присоединенія къ Москвѣ, то руководителями государственной обороны на южной окраинѣ (Никита Романовичъ) при царѣ Грозномъ. Никита Романовичъ, братъ царицы Анастасіи Романовны, въ служебной дѣятельности, въ придворной обстановкѣ, въ общественныхъ и личныхъ отношеніяхъ проявлялъ помимо способностей, пониманія государственныхъ интересовъ необыкновенное благородство и мягкое любовное отношеніе къ людямъ. Достаточно вспомнить эпизодъ съ побѣжденными жителями города Пернова, о чемъ сохранили извѣстіе Ливонскія лѣтописи ¹⁾. Соединеніе силы съ благородствомъ всегда привлекаетъ людей, и народная память хранитъ въ поэтическихъ образахъ воспоминанія о такихъ людяхъ: у насъ о Никитѣ Романовичѣ сохранились пѣсни. Наконецъ, родъ Романовыхъ проявилъ духовныя силы, когда Анастасія Романовна съумѣла быть нравственной поддержкой для Грознаго Царя, когда Никита Романовичъ сохранилъ свой чистый нравственный обликъ, несмотря на близость къ Іоанну IV въ послѣдніе темные годы его царствованія, когда Ѳедоръ Никитичъ, будучи въ санѣ митрополита, отстаивалъ религіозно-національные интересы своей родины въ тяжкомъ подневольномъ посольствѣ. Такъ въ теченіе трехъ вѣковъ бояре Романовы вносили свою долю труда въ укрѣпленіе Московскаго княжества, въ созиданіе мощи Московскаго государства; они

¹⁾ Онъ разрѣшилъ жителямъ удалиться изъ города, захвативъ съ собою имущество.

прошли со всѣмъ русскимъ народомъ суровую историческую школу, они вдохновлялись общенародными идеалами и раздѣляли со всѣмъ русскимъ народомъ его преклоненіе не столько передъ силой внѣшней, сколько передъ силой простого скромнаго подвига.

Съ 1613 года въ теченіе трехъ вѣковъ династія Романовыхъ несетъ уже съ высоты престола великую службу государственнаго строительства, заботы о преуспѣяніи и вѣщней славѣ народа. За три вѣка много событій было пережито, многое измѣнилось въ народной жизни. Завѣты предковъ, сложившіеся вѣками, историческія задачи и условія жизненной обстановки нужно было сочетать съ осложняющимися обстоятельствами, съ намѣчающимися новыми вопросами и задачами. Въ комбинаціи стараго съ новымъ, въ умѣнни сохранить національно-историческіе завѣты и понять новыя нужды и заключалась трудность и сложность государственной работы за истекшее трехсотлѣтіе.

Объ этой государственной работѣ, о всемъ пережитомъ за этотъ періодъ русскимъ народомъ краснорѣчиво говорятъ и многочисленныя изданія памятниковъ XVII—XVIII и XIX вв. и многочисленные историческіе труды. И когда приводишь на память эти смѣняющіяся картины прошлаго, когда остановишь вниманіе на многообразныхъ проявленіяхъ жизни—три вѣка кажутся краткимъ временемъ. Было бы и смѣло и невозможно пытаться на этихъ страницахъ дать очеркъ, либо характеристику протекшаго трехсотлѣтія, но въ дни воспоминаній о событіяхъ 1613 года не неумѣстно будетъ остановить вниманіе на нѣкоторыхъ вопросахъ.

Вотъ передъ нами современная карта Россійской Имперіи. „Упираясь тыломъ въ льды Сѣвернаго океана, правымъ флангомъ въ полузакрытое Балтійское море и во владѣнія Германіи и Австріи, а лѣвымъ въ мало пригодныя для плаванія части Тихаго океана, Великая Сѣверная Держава имѣетъ... фронтъ, обращенный къ югу и простирающійся отъ устьевъ Дуная до Камчатки“. Такой картиной современный военный писатель начинаетъ свою книгу о политическихъ задачахъ Россіи на театрѣ той борьбы за жизнь, которая искони ведется государствами міра.—Но чтобы мы могли въ 1913 г. видѣть подобную карту обширной Русской державы и могли бы говорить о выходѣ нашемъ на міровые пути—Средиземное море, Персидскій заливъ и Тихій океанъ, — надо было создать таковое положеніе государства. Карта Россіи 1613 г. (Гесселя Герритса, раньше считавшаяся картой царевича Ѳедора Борисовича) рисуется иное положеніе, иныя територіальныя границы, и бѣглаго взгляда

достаточно, чтобы понять громадную во всѣхъ отношеніяхъ разницу. Въ 1613 г. была скована, но только великорусская народность, былъ въ рукахъ великій водный путь на востокъ, перейдены Уральскія горы, но то, что теперь въ тылу — Бѣлое море—было тогда единственнымъ выходомъ въ замерзающій Ледовитый океанъ, но то, что теперь составляетъ нашъ фронтъ—южная граница—было ареной борьбы съ полукочующими народами Азіи.

Упорная борьба въ теченіе XVII и XVIII вв. объединила почти всю русскую народность, и важность этой задачи хорошо понимали государи Дома Романовыхъ: въ XVII в. молодой царь Алексѣй Михайловичъ личнымъ пребываніемъ въ войскѣ во время начавшейся за Малороссію Польской войны подчеркнул свое отношеніе къ данному вопросу, а въ XIX в. императоръ Николай I ясно сознавалъ насущную потребность дополнить дѣло великой бабки — послѣдней собирательницы русской земли, какъ справедливо называетъ ее историкъ за то, что она „отторженная возвратила“. Но дополнить это дѣло — получить Галицію — и тѣмъ исправить историческую ошибку императору Николаю не удалось, и голосъ поэта „Галичъ, гдѣ твои сыны?“ остается въ силѣ до нашихъ дней, равно какъ и дикое по исторической нелѣпости выраженіе „зарубежная“, „подъяремная“ Русь, какъ будто можетъ быть таковая при существованіи единой Державной Руси.

Гигантская борьба Великаго Петра за море, значеніе, которое придавалъ онъ морскому могуществу государства, являются связующимъ звеномъ между политикой Іоанна III и между политикой преемниковъ Петра, доведшихъ наши владѣнія до нынѣ существующихъ границъ. Про эту преемственность политики говоритъ самъ царь Петръ въ предисловіи къ морскому регламенту: „какое (отецъ) тщаніе прилагалъ, особливо въ воинскихъ дѣлѣхъ, о томъ всѣмъ извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался“.

Но если на берегахъ Балтійскаго и Чернаго моря шла кровопролитная борьба, то на Дальній Востокъ тихой незамѣтной волной шло переселенческое движеніе подъ водительствомъ и защитой казачества, и эта народная волна докатилась къ концу XVII в. до Камчатки, когда на русскихъ картахъ того времени появилось впервые „Никанское царство“, т. е. Японія. За колонизаціей Сибири зорко слѣдило правительство и обиліе чертежныхъ плановъ XVII в. ¹⁾ доказываетъ намъ, что Сибирь была хорошо извѣстна

¹⁾ Хранятся въ Моск. Архивѣ Мин. Юст. и въ Военно-Учен. Архивѣ Главнаго Штаба; въ послѣдній вошло обширное собраніе картъ изъ учрежденнаго Имп. Павломъ I Депо-Картъ.

Петръ Великій
Императоръ Всероссійскій.

Москвѣ. Мысль Петра Великаго остановилась на далекомъ океанѣ, и экспедиція Беринга была осуществленіемъ этой мысли, а черезъ сто лѣтъ удивительныя русскіе самородки, Шелеховъ и Барановъ, перекинули русскія владѣнія на берега Америки и создали въ началѣ XIX в. Русско-Американскую компанію, руководство дѣлами которой было всецѣло въ русскихъ рукахъ. Между тѣмъ движеніе на Востокъ не ограничилось переходомъ Уральскихъ горъ. Тѣмъ же путемъ, какимъ въ теченіе ряда вѣковъ высылала Азія свои полчища на Восточную равнину, тѣмъ же путемъ расширила Россія свои владѣнія—на Кавказѣ и въ Средней Азіи. Это движеніе явилось продолженіемъ мысли Петра Великаго—намѣчало выходъ къ Индѣйскому океану, было слѣдствіемъ давнихъ сношеній съ православною Грузіей и необходимостью обезопасить мирное населеніе окраины отъ нападений безпокойныхъ сосѣднихъ племенъ.—Колоссальный территоріальный ростъ государства связанъ съ превращеніемъ Московскаго царства въ Россійскую имперію. Политика послѣдней дѣлается общеевропейскою и міровою, пріобрѣтается особенное положеніе среди другихъ государствъ, и это покушается цѣною взаимнаго вмѣшательства въ политическія дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ Имперіи вошли чужія народности и единство національности, единство вѣры, наблюдаемое въ древней Руси, теперь нарушается. Государственная работа осложняется, и появляются новыя трудныя задачи согласовать разнообразныя интересы съ величіемъ и пользою русскаго народа.

Внѣшняя политика за истекшее трехсотлѣтіе преслѣдовала не однѣ, упомянутыя нами, насущныя потребности государства. Великая заслуга Государей дома Романовыхъ заключается не въ одномъ этомъ направленіи политики, но и въ томъ, что они воодушевлялись идеальными порывами. Завѣтъ предковъ XV—XVI в. в. палъ на добрую почву. Уже патріархъ Филаретъ проявляетъ интересъ къ общенію съ православнымъ востокомъ, является грекофиломъ и переписывается съ знаменитымъ патріархомъ Кирилломъ Лукарисомъ Константинопольскимъ. Царь Алексѣй Михайловичъ пошелъ дальше дѣда. Для него было вполне ясно назначеніе русскаго царя: „расточенная во благочестивое царство возвратитъ и быть на вселенной царю и самодержцу христіанскому“. У насъ нѣтъ недостатка въ знаменательныхъ обращеніяхъ къ царю дѣятелей православнаго востока; въ нихъ проводится настойчивое желаніе воспріять престолъ великаго царя Константина, уподобиться Моисею, выводящему изъ плѣненія единовѣрные народы. А въ изложеніи Павла Алепскаго приводятся слова самого царя, его вздохи и слезы при разговорѣ о св. Софіи Цареградской, о пора-

бощеніи бѣдныхъ людей, которые находятся во власти враговъ вѣры. „Богъ взыщетъ съ меня въ день суда, ибо, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегаю этимъ“, прибавилъ Тишайшій. И эти слова его вспомнилъ русскій писатель (Достоевскій), когда черезъ 200 лѣтъ преемникъ царя Алексѣя—Царь-Освободитель привелъ слова прапрадѣда въ исполненіе. Во время коронаціи Государя Александра II произошелъ эпизодъ, чрезвычайно характерный и подтверждающій намъ, какъ хранились чаянія XVII в. За Высочайшимъ обѣденнымъ столомъ среди духовныхъ лицъ былъ архіепископъ Кесарійскій Василій. Онъ обратилъ на себя вниманіе Государя, потому что все время плакалъ, и на вопросъ, обращенный къ нему, почему онъ плачетъ, отвѣтилъ: „Плачу отъ радости, видя торжество русскаго царя; плачу отъ горести, потому что мы, православные жители Малой Азіи, страдаемъ подъ игомъ Агарянь“.

Столь не похожій на отца въ другихъ отношеніяхъ, Великій Петръ перенесъ его пламенное желаніе въ смѣлое начинаніе. Прутскій походъ, сношенія съ Черногоріей, забота о сербскомъ народѣ дѣлаютъ изъ царствованія Петра I важный моментъ въ исторіи Восточнаго вопроса. Съ этого момента начинается уже активное участіе Россіи въ судьбахъ славянства. И хотя XVIII в. и начало XIX по своему настроенію стояли дальше предшествующихъ въ данномъ вопросѣ, но все же и въ проектѣ Потемкина и въ мечтахъ Императрицы Екатерины II относительно Греціи брезжитъ мысль, что есть нѣчто особенно важное для Россіи на Ближнемъ Востокѣ. Императоръ Александръ I въ 1814 году, во время пребыванія своего въ Венгріи, могъ видѣть впечатлѣніе, произведенное побѣдами русскихъ войскъ на славянскія народности. Хотя Императору приходилось скрытно давать аудіенцію греческимъ духовнымъ лицамъ изъ Иллиріи, Далмаціи, такъ какъ австрійскій дворъ грозилъ послѣднимъ репрессіями, но славяне радовались, „что Бонапарте нашелъ преграду завоеваніямъ посреди славянскаго народа (слова Палковича—профессора Пресбургскаго университета); мы льстили себя сладостною надеждой, что Государь объявитъ войну Австріи и освободитъ народы ему соплеменные“. Понятенъ поэтому благоговѣйный восторгъ русскихъ людей, раздѣлявшихъ чаянія предковъ, и восторгъ славянства, когда Императоръ Александръ II двинулъ войска за Дунай и своимъ личнымъ пребываніемъ, пребываніемъ цесаревича Александра Александровича въ арміи подчеркнул, подобно нѣкогда царю Алексѣю, свое отношеніе къ святому народному дѣлу.

Колоссальный ростъ территоріальныхъ предѣловъ Московской

Руси до границъ современной Россійской Имперіи, ростъ ея политическаго значенія и историческихъ задачъ долженъ былъ сопровождаться такимъ же ростомъ внутреннихъ силъ государства. Этотъ внутренній ростъ долженъ былъ обращать на себя вниманіе правительства и вызывать заботливое попеченіе династіи. Длинный рядъ мѣропріятій, измѣненіе соціальныхъ и экономическихъ условій жизни, длинный списокъ возникавшихъ учрежденій въ одномъ своемъ перечнѣ занялъ бы немало мѣста. Давно ли вспоминали мы такую крупную реформу, какъ 19-е февраля 1861 года, завершившую собой долгую исторію крестьянскихъ отношеній къ государству, какъ они слагались въ теченіе вѣковъ! Мало ли за эти послѣдніе годы прошло всевозможныхъ юбилеевъ правительственныхъ учрежденій! А давно ли передъ нами вставалъ Елизаветинскій вѣкъ, поминалось имя великаго Ломоносова, про котораго поэтъ сказалъ: „ты лучшихъ дѣлъ Елизаветы былъ животворною душой“. Эти лучшія дѣла Елизаветинскаго времени—забота о просвѣщеніи, основаніе Московскаго университета. Ученая дѣятельность Ломоносова, меценатство Шувалова, художественныя произведенія Растрелли и скромныя замѣтки Данилова и Болотова, рисующія рядового дворянина, сообщаютъ царствованію Елизаветы Петровны особый колоритъ.—Въ настоящее время русской чело- вѣкъ съ гордостью можетъ сказать, что русская наука, русская литература и русское искусство занимаютъ видное, почетное мѣсто. Успѣхи, достигнутые въ разныхъ отрасляхъ научныхъ дисциплинъ, идеи и образы, созданные творчествомъ писателей и художниковъ, завоевали міровое вниманіе и внесли немало цѣннаго въ сокровищницу знанія и духовнаго развитія чело- вѣчества. Много еще надо любви и пониманія научныхъ интересовъ, много надо работниковъ, но почва подготовлена и достигнутые результаты на виду. Къ этому надо прибавить, что сама русская земля заключаетъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для научной разработки во всевозможныхъ областяхъ. Въ какомъ другомъ государствѣ, не говоря уже объ естественныхъ богатствахъ, начиная съ полярныхъ странъ и кончая югомъ, найдемъ такой богатѣйшій историческій матеріалъ? Въ предѣлахъ Россіи находятся памятники разнообразной культуры; отъ древне-восточной — въ клинообразныхъ надписяхъ Кавказа—и классической—на берегахъ Чернаго моря—мы переходимъ къ западно-европейской въ Балтикѣ и Польшѣ; отъ древнихъ христіанскихъ памятниковъ Херсонеса, Арменіи и Грузіи—къ произведеніямъ исламскаго и буддійскаго искусства въ Средней Азійи и Сибири. О памятникахъ нашего родного прошлаго и говорить, конечно, не приходится. Уже одно такое богатство научнаго мате-

ріала налагаетъ обязанность на государство и на народъ, обязанность культурную.

И вотъ, чтобы развилась наука, чтобы появились умственные и духовные интересы—нужно было создать культурную обстановку. Древняя Русь выработала религіозное и политическое міросозерцаніе, покоившееся на той умственной и духовной пищѣ, какую давала ей письменность и ее изумительное искусство, имѣвшее вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе богословія и философіи въ образахъ. Пытливые умы путемъ самостоятельнаго труда, начитанности и наблюдательности поднимались на высоту выдающихся дѣятелей въ писательствѣ и въ жизни, но всѣ они могли сказать вмѣстѣ со старцемъ Филофеемъ: „еллинскихъ борзостей не текохъ, а риторскихъ астрономъ не читахъ... ни у мудрыхъ философовъ учился“...

Внесеніе вопроса о народномъ просвѣщеніи въ кругъ государственныхъ заботъ, появленіе правительственныхъ школъ относится уже ко времени государей Дома Романовыхъ. Пожеланіе пламеннаго панслависта Крижанича, чтобы могущественное славянское государство стало и рассадникомъ просвѣщенія, начинало мало-помалу осуществляться. Открытіе школъ то въ Москвѣ, то въ другихъ городахъ, то Ртищевымъ, то митрополитомъ Іоной Сысоевичемъ, призывъ братьевъ Лихудовъ, вызовъ ученыхъ изъ Кіева, основаніе, наконецъ, Славяно-Греко-Латинской Академіи, все это говоритъ уже о просвѣтительныхъ заботахъ въ царствованіи Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича. Хотя изслѣдователь отмѣчаетъ, что при основаніи Славяно-Греко-Латинской Академіи, „широко задуманный планъ государственной всесословной школы, съ полнымъ кругомъ высшаго духовнаго и свѣтскаго образованія, какъ извѣстно, не удался“, но чрезвычайно важно, что въ это время уже „широко ставился вопросъ о школѣ съ точки зрѣнія государственнаго интереса“. И весьма цѣнно потому изреченіе изъ „привиліи“ 1682 г., что „мудрость—наука есть царскихъ должностей родительница и всякихъ благъ изобрѣтательница и совершительница. Тою жде вся царствія благочинное расположеніе, правосудства управленіе и твердое защищеніе и великое распространеніе приобрѣтають“¹⁾. Эпоха Петра Великаго по общепризнанному мнѣнію „провела глубокую грань въ исторіи школьнаго образованія“. Появились задачи свѣтскаго профессиональнаго образованія, котораго была чужда древне-русская школа. На первыхъ порахъ въ эпоху преобразованій стремленіе къ наукѣ не могло не подчиниться

¹⁾ Очеркъ по исторіи системъ народнаго просвѣщенія... С. В. Рождественскій. СПб. 1912 г., стр. 2.

требованіямъ государственной пользы и этимъ объясняется профессионально-сословный характеръ и утилитарный взглядъ на науку, который господствуетъ въ первое время исторіи нашего образованія.

Съ тѣхъ поръ каждое царствованіе вноситъ нѣчто свое въ это важное народное дѣло, и мы наблюдаемъ смѣну идей, какъ, напр., въ Екатерининскую эпоху и въ началѣ XIX столѣтія, наблюдаемъ развитіе системъ народнаго просвѣщенія, различное отношеніе къ задачамъ и къ направленію его. вмѣстѣ съ тѣмъ ширилась потребность распространенія образованности въ возможно болѣе широкихъ кругахъ, но въ данномъ вопросѣ, по мнѣнію компетентнаго изслѣдователя, Московская Русь опережала XVIII в., грамотность ея народной массы была сильнѣе. Задачу поднять народную грамотность, создать народную школу пытался разрѣшить, гл. обр., XIX в. въ царствованія императоровъ Александра II и Александра III.

Заботами же императрицъ, начиная съ Екатерины Великой, развивалось и крѣпло женское образованіе въ Россіи, создавая для русской женщины возможность плодотворно работать на пользу своей родины.

За три вѣка роста и развитія государства было, конечно, не мало трудностей и неудачъ. Не мало скорбнаго перенесъ русскій народъ. На-ряду съ блестящими страницами прошлаго раскрываются передъ нами и темныя: мелькаютъ неудачи военныя, останавливаютъ наше вниманіе особенно обидныя дипломатическія ошибки, вспоминаются тяготы и страданія крестьянства, безправіе и злоупотребленіе, развитіе эгоистическихъ интересовъ, наконецъ— печальное явленіе раскола и не менѣе печальное— униженіе Церкви. Последнее тѣмъ тяжелѣе, что государи новой династіи были вполнѣ русскими людьми по своей религіозности; не говоря о такихъ чисто православныхъ людяхъ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ, даже въ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, воспитавшемся въ условіяхъ другой среды и чуждаго вліянія, сказывается тяготѣніе русскаго человѣка къ духовнымъ запросамъ, къ исканію Правды Божіей.

Всѣ эти тяжелыя стороны прошлаго объясняются, какъ неизбежной судьбой въ исторической жизни каждаго народа, такъ еще въ большей степени сложившимися условіями русской жизни: неопредѣленность престолонаслѣдія въ XVIII в., вліяніе и дѣйствіе чуждыхъ элементовъ и среды, потерявшей національное чутье, пробужденіе и проведеніе въ дѣло эгоистическихъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и сословныхъ группъ, господство ложныхъ идеологій, безпокойное и завистливое отношеніе Западной Европы, про которое справедливо сказалъ поэтъ: „вамъ (славянамъ) не прощается

Россія, Россіи не прощаютъ васъ“. Всѣ эти бѣды и недочеты русской жизни вызывали благородное негодованіе и безпокойство лучшихъ людей, призывали на работу выдающіеся русскіе умы, будили общественное и національное самосознаніе; они вызывали цѣлый рядъ вопросовъ во внутренней и внѣшней жизни государства и для разрѣшенія ихъ требовали народныхъ силъ, доказательствъ любви къ родинѣ на дѣлѣ, требовали неустанныхъ трудовъ съ высоты Престола.

Радость и горе народа находили горячій отзвукъ въ русскихъ государяхъ. Династія Романовыхъ отъ первыхъ своихъ представителей унаслѣдовала и проводила неуклонно традицію—вѣрить въ свой народъ, ставить выше всего его благо и видѣть въ царственномъ служеніи великій отвѣтственный долгъ. Эта традиція проводилась въ жизни, въ заботахъ и трудѣ, выражалась она при случаѣ и лично самими государями. Весьма интересно взять переписку царя Алексѣя Михайловича ¹⁾, гдѣ Тишайшій высказываетъ свои взгляды и свое настроеніе. „Ей, не избраша лутче того, что веселитися и радоватися во истинѣ и правдѣ, а за нее пострадати, и люди Божьи разсудати въ правдѣ. А мы, великій государь, ежедневно просимъ у Создателя... чтобы Господь Богъ.. даровалъ намъ, великому государю, и вамъ бояромъ съ нами единомушно люди Его Свѣтovy разсудити въ правду всѣмъ равно.... И о всѣхъ христіанскихъ душахъ поболѣніе мы имѣемъ....“, пишетъ царь въ письмѣ Одоевскому по случаю перенесенія мощей святителя Филиппа. „Богъ благословилъ и передалъ намъ, государю, править и разсудять люди свои на востокъ и на западъ, и на югъ, и на сѣверъ вправду“, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ (Ромодановскому). Это стремленіе „разсудить всѣхъ вправду“, стремленіе „безпомощнымъ помогать“ заставляло царя напоминать боярамъ, что должно „не на свое високоуміе и вышеславіе полагаться, а печаловаться объ общемъ народѣ, о странахъ и селахъ.... о меньшей братіи..“ Заботливость царя выражалась въ наказахъ къ воеводамъ умѣть беречь людей, въ негодованіи, если по оплошности на войнѣ бывали потери; съ теплымъ чувствомъ любви радуется царь, когда узнаетъ, что въ дѣлѣ при г. Валкѣ 1857 г. „люди цѣлы“, хотя эти люди и „издрогали“, но бѣгство войска искупалось храбростью Шереметева. Мягкость и любовное отношеніе къ людямъ не мѣшало Алексѣю Михайловичу сознавать долгъ „въ той строгой чистотѣ, въ той

¹⁾ Собраніе писемъ Царя А. М. М. 1856. Изд. Бартенева. См. Забѣлинъ, Опыты изуч. русск. древн. т. I, и Платоновъ, Царь Алексѣй Мих. (опытъ характеристики).

святости, которая высоко ставитъ царя надъ его современниками“. Строгий и чуткій къ своимъ личнымъ поступкамъ, царь требовалъ, чтобы и другіе радѣли о государственныхъ дѣлахъ мужественно и храбро, до ратныхъ людей были ласковы, а ворами не спускали. Много любилъ и жаловалъ Алексѣй Михайловичъ тѣхъ, кто, подобно Ордыну-Нащокину, умѣлъ противъ иноземныхъ государей стоять „смѣлымъ сердцемъ“ за русскіе интересы.—Великій Петръ горѣлъ жаждой пользы для своего государства и на себѣ хотѣлъ показать примѣръ неустанной работы, не знающей ни отдыха, ни конца. „Въ работѣ пребывающій“ (какъ подписывался еще въ юные годы въ письмахъ къ матери Натальѣ Кирилловнѣ), царь считалъ, что призванъ „по приказу Божию къ прадѣду нашему Адаму въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой“. Тотъ, кто постоянно говорилъ, что упущеннаго времени ничѣмъ поправить нельзя, не давалъ отдыха себѣ, но зато не любилъ и не понималъ, чтобы въ немъ нуждались другіе. 70-лѣтній Виніусъ въ отвѣтъ на торопливые попреки царя писалъ (21-го февраля): „не прогнѣвись... воистинно сталъ быть дряхль... рукою правою въ письмѣ мнѣ зѣло тяжко... но поелико смогу, буду работать“, и спѣшилъ по артиллерійскимъ дѣламъ въ Псковъ, а въ іюль, несмотря ни на что, уже былъ въ Сибири. Съ неудовольствіемъ отнесся царь Петръ къ просьбѣ фельдмаршала Шереметева съѣздить послѣ Ерестферской побѣды въ Москву къ женѣ и холодно написалъ: „на страстной пріѣхать, а къ святой паки назадъ“. Но за то и царь тоскуетъ, когда болѣзнь мѣшаетъ ему самому быть въ дѣлѣ: „сколько отъ болѣзни, а паче отъ печали, что время пропадаетъ“. Царь словно извиняется, когда во время серьезной болѣзни, въ 1708 г., писалъ Меншикову, чтобы вершили дѣла безъ него: „самъ вѣдаешь, что николи такъ не писывалъ, но Богъ видитъ, когда мочи нѣтъ... служить невозможно“. Громадная переписка царя ¹⁾ вся состоитъ изъ дѣловыхъ приказаній, изъ поспѣшно составленныхъ записочекъ къ окружающимъ, и тѣмъ цѣннѣе тѣ краткія лирическія, такъ сказать, строки, въ которыхъ прорываются чувства, одушевлявшія этого желѣзнаго царственного работника. Эти чувства были острая боль, если дѣла шли не къ выгодѣ Россіи, и пламенный восторгъ при успѣхѣ. „И того ради, какъ не своею рукою пишу, нужда турокъ удовлетворить...“, пишетъ онъ Апраксину послѣ 1711 г. въ отвѣтъ на письмо послѣдняго, въ которомъ, по словамъ царя, то „со слезами видѣлъ, о чемъ прежде вашего плакалъ“. Сколько тоски и

¹⁾ Устряловъ, Исторія царств. Петра Великаго. т. II и IV. См. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 16, М. 1881.

сколько надежды въ словахъ задолго до Полтавской побѣды при тяжелыхъ политическихъ обстоятельствахъ: „мы съ приближающимся Лазаремъ... въ адской горести живы... Души наши по мытарствамъ задерживаются... Дай Богъ воскреснуть съ нимъ! Обрадуй воскресеніемъ!“ Чрезвычайно цѣнны тѣ рѣдкія строки, гдѣ царь Петръ, напоминая въ такомъ случаѣ своего отца, старается ободрить окружающихъ или смягчить свой выговоръ: „Пожалуй, не осердись, воистину отъ болѣзни сердца писалъ“, заканчиваетъ онъ выговоръ Ромодановскому. „Не извольте о несчастіи бывшемъ печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу), а паче людей ободрять и паче трудовъ приложить“, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. И съ такимъ настроеніемъ царь смѣло смотрѣлъ впередъ и вѣрилъ, что съ помощью Божіей и преданіе объ отнятіи Царьграда сбудется. „Въ чемъ да будетъ воля Господня... волею Его высятся и ни во что премѣняются“.— Черезъ много лѣтъ, въ покояхъ маленькаго цесаревича Павла Петровича, воспитатель послѣдняго Порошинъ „весьма сильно выговаривалъ, что ему (Его Высочеству) о имени блаженныя памяти Государя Петра Великаго всегда съ почтеніемъ вспоминать надобно, потому что сіе имя... любезно, славно и почтенно и что, вспоминая о немъ съ почтеніемъ, можетъ Его Высочество къ себѣ возбудить почтеніе и любовь... и Государь Великій князь былъ тронуть“. Въ такой обстановкѣ семейной традиціи воспитывались будущіе государи, и въ Дневникѣ ¹⁾ того же Порошина немало указаній на то, какъ Павелъ Петровичъ, будучи еще совсѣмъ ребенкомъ, но ребенкомъ увлекающимся, высказывалъ мысли и стремленія работать надъ собой для будущаго блага государства, высказывалъ любовь и уваженіе къ русскому народу. „Что же, сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ?“ въ гнѣвѣ скавалъ онъ Строганову во время разговора въ его присутствіи, довольно безтактнаго на эту тему. Живой обликъ цесаревича Павла Петровича, какъ обрисовывается онъ подъ перомъ горячо любившаго его воспитателя, приводитъ на память другую сцену изъ записокъ другого воспитателя, Жуковскаго, который рассказываетъ намъ, что, когда пришло извѣстіе о побѣдѣ 1828 г.—взятія Анапы, десятилѣтній наслѣдникъ Александръ Николаевичъ „вбѣгаетъ и кричитъ: „Анапу взяли“. Въ эту же минуту внесли и Константина Николаевича, котораго старшій братъ началъ цѣловать, поздравляя и его съ побѣдой“. Наставленіе Жуковскаго своему царственному воспитаннику въ письмѣ отъ 1832 г. характерно рисуетъ ту

¹⁾ Записки Семена Порошина. СПб. 1844.

нравственную обстановку, въ которой росъ будущій Царь-Освободитель. „Знайте только одно: что въ наше бурное время необходимо, нежели когда-нибудь, чтобы государи своею жизнью, своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своею чистою любовью общаго блага были образцами на землѣ и стояли выше остальныхъ міра. Нравственная сила необходима; она—въ душѣ Государей, хранитъ народы въ мирное время, спасаетъ ихъ во времена опасныя“... Вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскій и Мердеръ съ радостью отмѣчаютъ успѣхи въ поведеніи цесаревича: „нашъ общій ненавистный врагъ... называемый лѣнью, почти побѣжденъ... нашъ бодрый союзникъ, называемый чувствомъ должности, болѣе и болѣе приобрѣтаетъ силы... и мы завоюемъ чудотворный талисманъ, называемый нравственное достоинство“¹⁾. Эти штрихи изъ воспоминаній о дѣтскихъ годахъ государей объясняютъ намъ ту преемственную духовную связь, которая объединяла въ заботѣ о государствѣ царей XIX в., подобно ихъ предкамъ XVII в. Слова Александра Павловича въ 1812 г., время, когда императоръ былъ въ расцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ, напоминаютъ знаменательное изреченіе Петра I передъ Полтавской битвой. Исполняя завѣтъ отца, императоръ Александръ II принялъ на себя разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, и его рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ создала ему безсмертіе, по выраженію одного современника.

Постоянно являя примѣръ благороднаго служенія родинѣ, Государи раздѣляли съ народомъ его радости и печали. По выраженію нынѣ царствующаго Государя Императора: печаль народа—Его печаль. Желаніе блага и славы Россіи Русскіе Цари соединяли съ горячей вѣрой въ свой народъ и съ чувствомъ гордости. Подобно тому, какъ Императоръ Александръ I въ манифестѣ послѣ Отечественной войны высказалъ, что „тоlikому народу“ воздать можетъ „только Богъ единый“, и Императоръ Александръ II, горячо благодаря ратниковъ послѣ Севастопольской обороны, сказалъ имъ: „Вы показали свѣту, какое могущество духа живетъ въ народѣ русскомъ“.

Е. Тураева-Церетели.

¹⁾ Имп. Александръ II, С. Татищевъ. (Русск. біограф. словарь).